

Мужчина остолбенел.

«Ха-ха-ха-ха-ха!» — Чай Цзыжань схватился за живот и закатился хохотом: «Ха-ха-ха, Мо Цзюцзюнь... ты-ты-ты... ха-ха-ха-ха!»

Мо Цзюцзюнь нахмурился, ничего не понимая.

Женщина пояснила: «Судья, моя дочурка — это белая кошечка!»

Мужчина тоже добавил: «Судья, сынок мой — кот чёрный!»

Женщина прижала к себе свою белую кошку, перевернула её, подставив круглый, явно беременный живот, и заявила: «Мою дочурку...» — она ткнула пальцем в чёрного кота рядом с мужчиной — «его сынок обесчестил, и теперь она в положении».

Лицо Мо Цзюцзюня оставалось ледяным, лишь пальцы судорожно сжались, будто ему не терпелось кого-нибудь придушить. Чай Цзыжань, опережая возможный приговор «Взять и казнить!», быстро вынес решение: «Ныне, когда белая кошка беременна, а чёрный кот виновен, надлежит по рождению котят воспитывать оных сообща».

«Нельзя!» — возопили в один голос оба, и мужчина и женщина.

Женщина заявила: «Дочку мою изнасиловали! Жизни его сына требую в отмщение!»

Мужчина парировал: «Сына моего его дочь соблазнила, доброе имя опозорила! Компенсации требую!»

«Что ж!» — Чай Цзыжань кивнул. — «Тогда и того лучше! Кота чёрного казнить, котят хозяину кота на воспитание в качестве компенсации. А нашей управе как раз на ужин блюдо не помешает — зарежем кота да мясо съедим!»

Тут Мо Цзюцзюнь наконец развернул поданную женщиной жалобу. Два кричащих иероглифа «Жалоба» заставили его глаз дёрнуться. Текст был нацарапан небрежно: «Дщерь мою обесчестили, правды требую!» — кратко и ясно. Хозяева кота и кошки остались недовольны вердиктом Чай Цзыжаня и собирались было возражать, но Мо Цзюцзюнь метнул на них гневный взгляд, острый, словно хлыст из мягкого золота, и те мгновенно притихли.

Мо Цзюцзюнь изрёк: «Коли решение секретаря Цзыжаня вам не по нраву, позвольте мне судить. Казнить всех, а тела псам скормить!»

Мужчина с женщиной, перепуганные до смерти, схватили своих «детей» и в страхе выбежали из зала суда.

Чай Цзыжань, держась за живот, изо всех сил сдерживал хохот, не смея взглянуть на почерневшее лицо Мо Цзюцзюня. Тот фыркнул, покинул своё место и уселся на стул секретаря, достал из-за пазухи сборник стихов и уткнулся в него.

Чай Цзыжань, оставшись без места, естественным образом переместился в кресло судьи. В этот момент снаружи вновь раздался громкий и решительный стук в барабан. Чай Цзыжань вздрогнул, с важным видом ударил молотком и возбуждённо скомандовал: «Вести!»

Стражник ввёл в зал женщину средних лет с явной печатью прожитых лет на лице. Глаза её бойко бегали, озирая убранство зала, вышитые туфельки выписывали замысловатые следы, но

слишком пышные бёдра и формы заставляли её походить на перекатывающуюся тыкву.

Эту особу Чай Цзыжань знал и с улыбкой воскликнул: «Матушка Хуа!» То была хозяйка терема Хуахуа.

Увидев такого щёголя, как Чай Цзыжань, Матушка Хуа должна была бы обрадоваться, но её полное лицо исказилось брезгливой гримасой. Помахивая веером, она произнесла: «А, Цзыжань! Слышала, в секретари выбился. Это ты как на место судьи уселся?» Она покрутила головой, не обнаружив никого в официальной одежде, и презрительно скривила губы: «Слезайка поживее, а то судья увидит — палками отлупит!»

Чай Цзыжань прочистил горло, прищурился и глянул на Мо Цзюцзюня: «Судья только что дело о покушении на бесчестье разобрал, устал изрядно. Ему сейчас не до меня».

Мо Цзюцзюнь, услышав это, отложил сборник стихов и швырнул на Чай Цзыжаня убийственный взгляд.

Тут Матушка Хуа наконец заметила молодого человека на месте секретаря. Тот был статен и грозен, и, судя по её многолетнему опыту обхождения с гостями, являлся истинным мастером в искусстве любви. Окажись такой в её заведении — девушки с ума свели бы, а он стал бы сущим кладезем для казны. Она с улыбкой сделала несколько шагов вперёд, помахивая веером: «Молодой господин, как имя-фамилия ваши будут?»

Мо Цзюцзюнь невозмутимо ответил: «Чай Цзыжань».

Чай Цзыжань застыл.

Мо Цзюцзюнь продолжил: «В чём дело?»

Матушке Хуа было неважно, сколько на свете Чай Цзыжаней, ей нужен был лишь этот. Она сладко улыбнулась: «Неужто вы и есть новый секретарь, Чай Цзыжань?» Она бросила презрительный взгляд на настоящего Чай Цзыжаня и добавила: «С первого взгляда видно — вы и есть самый что ни на есть выдающийся секретарь уезда Суюй. А тот, что на судейском месте окопался — просто тряпка безответная, он...»

«Матушка Хуа! Я ведь здесь! Нельзя ли плохое про человека говорить, хоть в сторонку отойдя?» — Чай Цзыжань грохнул молотком.

Матушка Хуа вспылила: «Стучишь ещё! Я, Матушка Хуа, человек прямой, не в привычке у меня за спиной пересуды вести. Всё всегда в глаза говорю!» Затем обратилась к Мо Цзюцзюню: «Господин Цзыжань, вы и не ведаете! Этот прощельга, что имя ваше позорит, — настоящий беспутник. Когда в мой терем на девиц глазеть ходил, так свою кружку с собой таскал, воду нашу даром пил, сухпай в кармане носил — ни гроша не тратил, песенки слушал, а девиц никогда не заказывал. И в отхожее место сходит — руки никогда не моет! Противно даже говорить!» — она содрогнулась, всем видом показывая, как омерзителен Чай Цзыжань.

Чай Цзыжань на миг почувствовал укол совести, но тут же оправился: «А на кой руки мыть? Вода денег стоит! У вас в тереме роскошь какая — все чаем отборным руки полощут. Будь я не таким бережливым, давно бы всё состояние прахом развеял. А коли состояние кончится, братец мой ноги мне переломает. Ваш терем — что нож без лезвия, людей губите! Какое же зло!»

Матушка Хуа, тыча в него пальцем, скрежетала зубами: «Ах ты, щенок беспутный! Сметь в

зале суда на мой терем клеветать! Девушки у меня красавицы, поют сладко, сердцем добры, да и плясать мастерицы! Глазеть на них охота, а платить неохота — где ж такое видано? Ты что, судья уезда Суюй, что ли?»

Судья уезда Суюй спросил: «А судья может на девиц глазеть, не платя?»

Матушка Хуа, хмурясь на Чай Цзыжаня, к Мо Цзюцзюню тут же расплылась в улыбке: «Может, может! Прежний судья стар был, сердцем хоть и рвался, да силёнок не хватало — только песенки даром слушал. А нынешний судья, коли пожелает... хе-хе... всё что угодно может».

Мо Цзюцзюнь махнул рукой: «Он ничего делать не желает, но трапезничать задарма любит». Он поднялся со своего места, величественно вернулся в судейское кресло, поднял Чай Цзыжаня, как цыплёнка, и, приблизившись к его уху, тёплым шёпотом произнёс: «Секретарю Цзыжаню, видно, очень девушки из терема Хуахуа по нраву».

Чай Цзыжань, только что выслушав поток укоров, даже если внутри он и был не прочь, снаружи должен был изображать брезгливость. Он схватился за живот, сделав вид, что вот-вот стошнит: «Терем Хуахуа? Заведение ветхое, девушки дурнушки, станом не вышли. Хм! Не нужны они мне!»

Мо Цзюцзюнь, услышав это, обрадовался и молвил: «Тогда в следующий раз я, как судья, угощу всех стражников в тереме Хуахуа задарма». Он бросил на Чай Цзыжаня беглый взгляд: «Секретарь Цзыжань, может, и ты с нами?»

Не успела Матушка Хуа опомниться, как стражи, выстроившиеся по обеим сторонам зала, швырнули свои дубинки, сложили руки и гаркнули: «Благодарим, ваша честь!»

Чай Цзыжань, ухмыляясь, как лис, поймавший курицу, указал на Матушку Хуа: «Матушку Хуа тоже поблагодарите!»

Стражи дружно поклонились, громогласно крича: «Благодарим, Матушка Хуа!»

Матушка Хуа на мгновение оглохла от этого рёва. Не отрывая остолбеневшего взгляда от Мо Цзюцзюня, который уселся в судейское кресло, она увидела, как тот бросил на неё властный взгляд, ударил молотком и провозгласил: «Что откладывать? Решим сегодня же!»

Чай Цзыжань и стражи поклонились: «Благодарим, ваша честь!»

Чай Цзыжань первым рванул к своему столу собирать вещицы, готовясь к пиршеству. Увидев, что Матушка Хуа всё ещё смотрит на Мо Цзюцзюня остекленевшими глазами, он нахмурился: «Матушка Хуа, будет глазеть. Всё равно не изменишь того, что судья возжелал в твоём тереме задарма отобедать».

Матушка Хуа с немым недоверием указала на Мо Цзюцзюня: «Ты... ты... ты судья?»

«Совершенно верно».

Матушка Хуа, с трудом переводя дух, спросила: «Разве судьёю не Мо Цзюцзюнем звать?»

Мо Цзюцзюнь кивнул: «Так и есть».

Матушка Хуа в смятении промолвила: «А не Чай Цзыжань ты?»

«Детское моё прозвище».

Магушка Хуа: «...»

<http://bllate.org/book/15931/1423917>